

Концепция парресии в поздних лекциях Мишеля Фуко: политико-философские импликации

Научный руководитель – Глухов Алексей Анатольевич

Акаев С.А.¹, Калашник П.В.²

1 - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет социальных наук, Москва, Россия, *E-mail: akayev.sanzhar@gmail.com*; 2 - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет социальных наук, Москва, Россия, *E-mail: pvkalashnik@yandex.ru*

В последние десятилетия исследователи творчества Мишеля Фуко уделяют все большее внимание концепции парресии (свободной истинной речи), к которой французский философ подробно обращался в своих поздних лекциях 1980-х годов [1, 6, 7, 8, 9, 10]. В этих текстах Фуко изучает феномен парресии в контексте сразу нескольких областей античной интеллектуальной и социально-политической жизни, обращаясь к широкому корпусу текстов и практик [3, 4, 5]. Как замечают некоторые комментаторы, в видении Фуко парресия обладает тремя ключевыми измерениями: политическим (в пространстве демократической полисной жизни), этическим (будучи неотъемлемой частью практик «заботы о себе») и философским (выступая в качестве важного атрибута философской речи); при этом данное деление не представляет собой жесткой классификации и понимается скорее как «способ интерпретации» парресии в изучаемых Фуко источниках, нежели «сущностное определение» самого феномена [2].

В настоящем докладе мы обратимся к третьему – философскому – измерению парресии и рассмотрим проблему его сложной взаимосвязи с философией и политикой, приобретающую наиболее острый характер в описываемой Фуко фигуре философа-парресиаста. В курсе лекций «Управление собой и другими», прочитанном в 1982-1983 годах, Фуко переходит от изучения демократической парресии в пьесах Еврипида к интерпретации ряда диалогов и писем Платона, подробно останавливаясь на сложном отношении между философской парресией и политической деятельностью — и, соответственно, на отношении между философом и правителем [3]. Согласно его замечаниям, проблема философской речи заключается в том, что она «говорит правду о политике, но не говорит политике, что делать» — и в этом акте, называемом актом веридикции, заключается ее подлинная «реальность» [3]. В этом ключе парресия, которую философ высказывает правителю, не только открывает некоторую истину о политике, но и оказывается важнейшим критерием *реальности* самой философии — критерием, который неизменно связан с ее отношением к власти и к властителю. И наставление властителя, предпринимаемое в платонической традиции, и субверсия власти, предпринимаемая философами-киниками, требуют определенной связки с политикой, призванной обнажить реальность философии. Чтобы философская парресия имела место, философ должен обладать добровольными слушателями, способными воспринимать его наставления — подобная диспозиция определяет философию как корпус множественных практик, направленных на формирование *образа жизни* политического деятеля, а не на поиск достоверного знания, высказывающего «правду о правде». Фуко отмечает, что в пределе платоническая традиция (во многом определившая взаимоотношения между политикой и философией на Западе) стремилась именно к совмещению образов жизни правителя и философа в одном человеке, а не к совмещению философского знания и политической рациональности [3].

Таким образом, изучение связи между философией и политикой через призму парресии, предпринятое Фуко, органично встраивается в его общий поздний проект изучения

античных этических практик «заботы о себе». Однако его неожиданное обращение к концепции «реальности философии» имеет более широкие и универсалистские импликации – время от времени отрываясь от работы с источниками, Фуко прибегает к прямой речи и предлагает свое нормативное понимание задач философии, основывающееся на ее роли как практики веридикции, критического анализа, высказывающего правду о политике. Подробное рассмотрение этой концепции позволяет реконструировать взгляды Фуко на отношение между политической философией и политикой как таковыми вне конкретных античных контекстов.

Источники и литература

- 1) Глухов А. Фуко как сверхавтор // Философско-литературный журнал «Логос». 2019. Vol. 29. №. 2 (129). С. 104-125.
- 2) Гро Ф. Предисловие // Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983) / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Издательский дом «Дело», 2020. С. 11-21.
- 3) Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1982-1983 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьякова. М.: Наука, 2011.
- 4) Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьякова. М.: Наука, 2014.
- 5) Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983) / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Издательский дом «Дело», 2020.
- 6) Dyrberg T. Foucault on the Politics of Parrhesia. Springer, 2014.
- 7) Franěk J. Philosophical parrhesia as aesthetics of existence // Continental Philosophy Review. 2006. Vol. 39. No. 2. P. 113-134.
- 8) Luxon N. Ethics and subjectivity: Practices of self-governance in the late lectures of Michel Foucault // Political Theory. 2008. Vol. 36. No. 3. P. 377-402.
- 9) Sharpe M. A question of two truths? Remarks on parrhesia and the 'political-philosophical' difference // Parrhesia. 2007. Vol. 2. P. 89-108.
- 10) Simpson Z. The truths we tell ourselves: Foucault on parrhesia // Foucault Studies. 2012. P. 99-115.